

ЗНАМЕНИТЫЕ ЕВРОПЕЙСКІЕ ПИСАТЕЛИ

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ РУССКОЙ КРИТИКИ

I

Критика наша еще очень молода; но вовсе не въ томъ смыслѣ, чтобы она не созрѣла, а просто въ томъ, что ей отъ роду развѣ-развѣ что немного болѣе четверти столѣтій. Мы разумѣемъ конечно настоящую, серьёзную критику, — ту критику, которой отцы въ Германіи — Лессингъ, Винкельманъ, Гердеръ, которая такъ своеобразно развилась въ Англии, пожалуй даже прежде Германіи, и до которой доросли до сихъ поръ еще очень немногіе изъ французскихъ мыслителей.

Между тѣмъ, не смотря на свою молодость, критика наша — не въ лицѣ даже одного гениальнаго своего представителя Бѣлинскаго, а вообще,

начиная отъ Полеваго и кончая г. –бовымъ, сдѣлала такъ много для нашего умственнаго развитія, такъ твердо и сознательно толкала насъ впередъ, такъ рѣшительно стояла почти всегда *по духу* своему въ уровень съ критикою германскою и неизмѣримо выше критики французской, такъ положительно наконецъ заявляла иногда свою самостоятельность, — что принадлежитъ уже къ числу тѣхъ немногихъ явленій нашей духовной жизни, которыя безъ малѣйшаго опасенія за ихъ бытіе, могутъ быть подвергаемы анализу, суду и пересмотру.

Мы смѣло можемъ теперь отдѣлять въ результатахъ ея дѣятельности шелуху отъ ядра, пшеницу отъ плевель, не боясь того, что «восторгая» плевелы — «восторгнемъ» пожалуй и пшеницу...

Было время, что критика наша стояла во главѣ всего нашего развитія, мы разумѣемъ конечно критику литературную.

Эта роль принадлежала критикѣ въ то время, когда въ литературѣ и притомъ исключительно въ литературѣ,

совмѣщались для насъ всѣ серьёзные духовные интересы, когда критикъ, не переставая ни на минуту быть литературнымъ критикомъ, въ тоже самое время былъ и публицистомъ, когда его художественные идеалы не разрознивались съ идеалами общественными. Этимъ — кромѣ своего огромнаго таланта — былъ такъ силенъ Бѣлинскій въ его эпоху, что всѣ другія убѣжденія, кромѣ его убѣжденій и всѣ другіе взгляды, кромѣ его взгляда, не считались и не могли считаться благородными и современными убѣжденіями и взглядами. Кто не видалъ въ Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ того, что видѣлъ въ нихъ Бѣлинскій — попадалъ неминуемо въ число ограниченныхъ, отсталыхъ людей и даже мраколюбцевъ.

И тогда — это было совершенно нормально, потомучто литература была тогда все для насъ, и *двухъ* убѣжденій въ отношеніи къ высшимъ литературнымъ явленіямъ быть не могло. Уровень единства литературнаго взгляда, проводимъ былъ съ беспощадною послѣдовательностью, но

вѣроятно ни у кого языкъ не повернется даже и теперь назвать эту беспощадную послѣдовательность, этотъ деспотизмъ фанатизма несправедливымъ.

Идея изящнаго тѣсно сливалась тогда съ идеями добра и правды, или, лучше сказать, идея правды и идея добра не имѣли возможности проявляться иначе какъ черезъ идею изящнаго.

Бѣлинскій, ибо это цѣлый да и притомъ главный періодъ нашей критики, былъ поставленъ въ такія же условія борьбы какъ Лессингъ. Пламенно толкуя Пушкина, пламенно выдвигая Лермонтова, пламенно ратоборствуя за Гоголя и т. д., онъ былъ въ тоже самое время главнымъ общественнымъ двигателемъ нашимъ и великимъ глашатаемъ истины. Весь умственно и нравственно пропитанный философскою системою, до нашихъ временъ еще не смѣненною никакою другою, онъ проводилъ ее въ жизнь черезъ органъ литературной критики. Его противорѣчія и измѣненія мнѣній могли казаться противорѣчіями и измѣненіями мнѣній только людямъ,

дѣйствительно ограниченнымъ въ его эпоху. Для него самого, для его учениковъ, т. е. для всѣхъ насъ болѣе или менѣе — это были моменты развитія, моменты стремленія къ истинѣ.

Бѣлинскій стоялъ впереди умственного прогресса и смѣло велъ впередъ поколѣніе.

Въ высочайшей степени одаренный художественнымъ пониманіемъ, способный трепетать какъ пиѳія отъ всего прекраснаго, переживавшій съ каждымъ великимъ явленіемъ нравственнаго міра всю жизнь этого явленія: чистую ли поэзію Пушкина, злую ли скорбь и иронію Лермонтова, карающій ли смѣхъ Гоголя, мучительную ли игру Мочалова и т. д., — отзывавшійся на все съ необыкновенною чуткостью, онъ однако, какъ человѣкъ стремленія и прогресса, не задумывался замѣнять явленія явленіями, когда одни казались ему ближе къ истинѣ, т. е. по его вѣрованію, ближе къ послѣднему слову прогресса, чѣмъ другія. Своего рода террористъ литературный, онъ приносилъ жертвы за жертвами, хотя конечно едва ли бы принесъ

въ жертву напрімѣръ Пушкина и его значеніе въ нашей жизни.

Дѣло нравственнаго возбужденія, совершенное въ лицѣ его нашею критикою, такъ велико и благотворно по своимъ послѣдствіямъ, что отъ многихъ принесенныхъ критикою жертвъ, мы можемъ уже теперь и отказаться, безъ опасенія повредить дѣлу прогресса. Жертвы эти приносились нашею критикою вслѣдствіе увлеченій. Благотворный плодъ увлеченій остался, но отъ самыхъ увлеченій, отъ множества пристрастій — симпатическихъ или враждебныхъ, пора уже намъ постепенно отказываться.

На первый разъ намъ показалось небезполезнымъ сдѣлать опытъ провѣрки отношеній нашей критики къ знаменитымъ иностраннымъ писателямъ, поднять нѣсколько дѣлъ, которыя сданы въ архивъ, то съ 1840, то съ 1838, то даже съ 1830 года, но сданы вовсе не потому, что рѣшены окончательно, а потому только, что надобно было скорѣе рѣшать другія дѣла, нетерпѣвшія отлагательства.

Мы далеки отъ намѣренія упрекнуть нашу критику, въ особенности критику періода Бѣлинскаго, въ опрометчивости ея сужденій или въ излишней самостоятельности взгляда. Въ наше время было бы неумѣстно поднимать вопросы изъ за привязанности къ авторитетамъ. Рѣчь идетъ вовсе не о попоранныхъ авторитетахъ, а о правильности нашей оцѣнки знаменитыхъ европейскихъ писателей, о множествѣ укоренившася вздора на ихъ счетъ въ нашей критикѣ. Что мы имѣемъ полное право на самостоятельную оцѣнку чужеземныхъ явленій, что эта оцѣнка тѣмъ будетъ и значительнѣе, чѣмъ самостоятельнѣе — объ этомъ и говорить нечего. Но наше отреченіе отъ различныхъ авторитетовъ иностранныхъ литературъ, наши *кавалерскія* отношенія ко многимъ изъ нихъ, т. е. отношенія, въ которыхъ мы третировали ихъ *très cavalierement* — имѣли источникомъ своимъ вовсе не самостоятельность нашего взгляда, а или увлеченія новыми вѣяніями жизни, — увлеченія горячія и обильныя результатами, или холодное нахальство, привыкшее со

всѣмъ въ мірѣ обращаться весьма нецеремонно, какъ обращалась напрімѣръ во дни оны со всѣмъ въ мірѣ «Библіотека для Чтенія» тридцатыхъ годовъ, или самодовольство, убаюкиваемое дерзкими, дешевопріобрѣтенными теоріями, или наконецъ просто — извѣстныя маніи — французоманія, германоманія, англomanія, руссоманія.

Если бы *кавалерскія* отношенія къ великимъ или просто извѣстнымъ иностраннымъ писателямъ, принадлежали въ литературѣ нашей къ области прошедшаго, то вопросъ не для чего было бы и поднимать. Нужно было бы постепенно и просто устанавливать настоящіе взгляды на дѣятельность того или другого писателя, въ серьёзныхъ и подробныхъ статьяхъ о томъ или другомъ изъ нихъ.

Но *кавалерскія* отношенія видимо укоренились какъ нѣчто совершенно законное. Нѣтъ, нѣтъ, да и выскочить вдругъ даже въ наше время какой нибудь кавалеръ-наѣздникъ и объявить съ высоты величія, что мы, дескать, «не очень высоко

ставимъ Шиллера»... Выскочить другой баши-бузукъ и разомъ похоронить Жоржа-Занда и т. д. Да и что мудренаго? Мы и съ своими-то не церемонимся: у насъ какъ разъ Пушкинъ обратится въ поэта альбомныхъ побрякушекъ, — чтожъ чужихъ-то жалѣть? Насчетъ *мелкихъ* (по мнѣнію нашихъ критиковъ) явленій, насчетъ напимѣръ *какого нибудь* Виктора Гюго, *какого нибудь* Генриха Гейне или Бальзака беспокоиться много нечего: мы и большимъ-то дадимъ себя знать! Вотъ, дескать, мы каковы...(*)

Противодѣйствовать *кавалерскимъ* отношеніямъ нашей критики къ иностраннымъ писателямъ подробными и серьёзными статьями, дѣло, во первыхъ, и по матеріальному труду нелегкое, да въ настоящую минуту и довольно бесполезное... Не мало примѣровъ можно привести по этому поводу. Хоть бы напимѣръ, превосходныя статьи покойнаго Кудрявцева (П. Н.) о Дантѣ, печатавшіяся

(*) Мы могли бы дѣлать ссылки и указанія
Да чтобъ гусей не раздражить!

нѣкогда въ «Отечественныхъ Запискахъ», кѣмъ они были читаны? Кружкомъ его учениковъ, да кружкомъ немногихъ истинно-образованныхъ людей, еще интересующихся литературою!... Для большей части читателей эти статьи оставались неразрѣзанными (Graeca sunt — non leguntur!)... О Шиллерѣ писано много было въ нашихъ журналахъ отъ «Телеграфа» до «Русскаго міра», но это многописаніе прошло же втунѣ, кануло же въ бездну, не воспрепятствовало же въ прошломъ году появленію плохой статейки о Шиллерѣ (не скажемъ гдѣ), переведенной очевидно съ французскаго и исполненной изумительнѣйшихъ невѣжествъ. Превосходнѣйшая біографія Гёте Льюиса (Lewis), помѣщенная не очень давно въ «Библіотекѣ для Чтенія», — помѣщенная по всей вѣроятности не по уваженію къ Гёте, а по уваженію къ его англійскому біографу — тоже мало принесла пользы и мало читалась...

Остается слѣдовательно возбудить вопросъ въ общихъ, сжатыхъ и рѣзкихъ

чертахъ, это тѣмъ болѣе нужно, что кромѣ мировыхъ свѣтилъ: Гёте, Байроновъ, Шиллеровъ и т. д. есть еще свѣтила менѣе яркія, но почему же нибудь да признаваемыя за свѣтила ихъ странами, — свѣтила, къ которымъ мы относимся съ самымъ фешенебельнымъ презрѣніемъ.

За доброе желаніе возбудить вопросъ, добросовѣстные читатели вѣроятно простятъ намъ и нѣкоторыя ошибки и нѣкоторые недосмотры...

II

Отношеніе литературы и критики нашей къ иностраннымъ литературамъ въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка, было или совершенно несамостоятельное, или китайское, т. е. изолированно-самостоятельное. До Карамзина мы смотрѣли на все глазами французовъ или взглядомъ Часослова и Домостроя: преобладающее воззрѣніе, — воззрѣніе, выставлявшееся на показъ, было впрочемъ французское, т. е. такъ называемый

ложный классицизмъ. Карамзинъ первый осмѣлился заговорить объ англичанахъ и нѣмцахъ, первый поклонился вмѣстѣ съ юной тогдашней Германіей Шекспиру и высказалъ откровенно восторгъ отъ представленія «Фіэско». Правда, что восторгаясь представленіемъ «Фіэско» и припоминая по поводу представленія французскаго «Эдипа», вопли шекспировскаго Лира или «царя Леара», онъ восторгается и представленіемъ «Ненависти къ людямъ и раскаянія», но во всякомъ случаѣ онъ заставилъ свою эпоху сдѣлать огромный шагъ впередъ, такой шагъ, который французы сдѣлали въ литературѣ только лѣтъ черезъ двадцать послѣ своей политической революціи.

Ни Карамзину, ни намъ этого шага впрочемъ нельзя вмѣнять въ необычайную заслугу, равно какъ и въ преимущество надъ запоздалою въ этомъ отношеніи французскою націею; у французовъ былъ цѣлый рядъ великихъ, по крайней мѣрѣ для нихъ, писателей XVII и XVIII вѣка, установившихъ извѣстные взгляды на

жизнь, извѣстныя понятія объ изящномъ. Намъ, до самаго Карамзина, жалѣть было ровно нѣчего. У насъ была «тишь и гладь», наша подражательная литература съ проблесками одного могучаго и нѣсколькихъ крайне–посредственныхъ дарованій, съ ея торжественными одами и трагедіями, цѣликомъ и дубовыми стихами перекладываемыми изъ Корнеля, Расина и Вольтера на русскія имена, годилась только для пародій Баркова и для сатиры Дмитріева: «Чужой толкъ». Жалѣть намъ было ничего. Мы мѣняли одну моду на другую.

Лѣтъ двадцать впрочемъ и мы весьма скромно заявляли свое сочувствіе къ англичанамъ и нѣмцамъ, не разрываясь съ французскимъ классицизмомъ, а только шаля иногда подъ его гувернерскимъ присмотромъ, шаля то балладами Жуковскаго, вѣявшими унылымъ романтизмомъ, то мистически–германскими стремленіями «Мнемозины» (Одоевскаго и Кюхельбекера). Самъ Карамзинъ, какъ свидѣтельствуется статья Ѳ. В. Булгарина о

свиданіи съ Карамзинымъ, помѣщенная, какъ образцовая, въ «Учебной книгѣ словесности» г. Греча, и какъ свидѣтельствуя другіе болѣе достовѣрные источники (хотя не все же неправду говорилъ и Ѳаддей Венедиктовичъ), самъ Карамзинъ не повелъ далеко сочувствій своей юности и ограничивался въ зрѣлыхъ лѣтахъ пристойнымъ эклектизмомъ. На самага Пушкина французскій классицизмъ имѣлъ свою долю вліянія, да и во всю жизнь свою, Пушкинъ не былъ гонителемъ его...

Съ «Телеграфомъ» только начинается наша эмансипація полная, — эмансипація впрочемъ, какъ во времена «Телеграфа», такъ и во времена позднѣйшія, — весьма похожая на сатурналіи, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ французскому классицизму, — сатурналіи, продолжавшіяся не менѣе *двадцати пяти* лѣтъ, вплоть до прибытія къ намъ Рашели... Тотчасъ же по прибытіи къ намъ знаменитой артистки, мы такъ же легко перешли отъ *вражды* и *презрѣнія* къ

классицизму, къ серьёзному и уважительному тону о немъ. И никого не удивилъ этотъ серьёзный и уважительный тонъ статей П. В. Анненкова, какъ никого не удивляли выходки Полеваго и заклятая вражда Бѣлинскаго къ тому же самому явленію. Только немногіе, принимавшіе все это къ сердцу, высказались отсталою и, надобно сказать правду, донкихотскою оппозиціею французскому классицизму.

Мы еще не вдаемся покамѣсть въ разрѣшеніе вопроса, правы ли были мы и на сколько именно правы въ нашемъ скоропостижномъ отрицаніи отъ классицизма и въ неожиданномъ возвращеніи къ нему нашего уваженія по пріѣздѣ Рашели. Мы дѣлаемъ еще только историческій очеркъ нашихъ увлеченій и отреченій.

Когда мы отрицались отъ классицизма, на литературномъ горизонтѣ Европы горѣло какимъ-то зловѣщимъ блескомъ ослѣпительное свѣтило: Байронъ; закатывалось величаво, не теряя своего ровнаго и живительнаго свѣта, другое

свѣтило: Гёте, и только что выходили на середину неба Пушкинъ и Мицкевичъ... То было время чудесъ литературныхъ, потомучто кромѣ Байрона и Гёте, Пушкина и Мицкевича, появлялись одинъ за другимъ романы Вальтеръ Скотта, фантастическія сказки Гофмана... Какъ мы жадно ловили всѣ эти вѣянія, какъ мы наивно—таинственно говорили о Фаустѣ и дерзали говорить даже о второй его части, какъ много развилось у насъ въ то время байрончиковъ, которые какъ Трилунный считали (по крайней мѣрѣ въ стихахъ) за мѹку и кару

....быть въ толпѣ безсмысленныхъ людей,

какъ мы вѣрили и въ разочарованіе нашихъ байрончиковъ, и въ то, что «Блаженство безумія» Полеваго — повѣсть въ гофмановскомъ родѣ и т. д., и какъ мы мало способны были понимать своего великаго поэта, своего Пушкина. Мы требовали отъ него, чтобы онъ повторялъ

намъ Байрона, а онъ и натурою и особенностью генія, столь же мало походилъ на демоническаго британца, какъ Рафаэль на представителей мрачной школы, которой любимый предметъ мученія и пытки, какъ Моцартъ на Бетховена, — онъ, который съ каждымъ шагомъ становился самостоятельнѣе и даже Мицкевича готовъ былъ упрекать за подчиненіе Байрону:

Когда тебя Мицкевичъ вдохновенный,
Я нахожу у Байроновыхъ ногъ и т. д.

Но дѣло въ томъ, что мы увлекались и увлекались искренне — кто по собственнымъ впечатлѣніямъ, а кто по слуху. То, чѣмъ мы пожертвовали новымъ увлеченіямъ — преданія чопорнаго классицизма — дѣйствительно должно было пасть передъ вѣяніемъ новаго могучаго духа. Новый духъ этотъ притомъ несъ съ собою отзвуки громадной средневѣковой жизни, возвращалъ европейскому человѣчеству все, что заслонено было отъ него на время ложными классическими

идеальчиками, — возвращалъ не только Данта и Шекспира, но даже сумрачно-колоссальные образы Нибелунговъ, веселыя пѣсни труверовъ, романсы о Сидѣ, испанскую драму и т. д., — возвращалъ на время даже обаяніе католицизма. Это былъ духъ романической реакціи... Намъ она была чужда эта реакція, потомучто у насъ не было и отрицанія ея, не было и *renaissance*, возрожденія древности; мы были гости на чужомъ пиру, но какіе наивно-усердные, добросовѣстные гости! Право, мы сами хоть и не доходили до безобразій «Доктора любви» Захаріи Вернера, но за то ужъ по крайней мѣрѣ пьянство Гофмана возвели чистосердечно въ число добродѣтелей и непремѣнныхъ правилъ романтической жизни. Увы! за наше чистосердечіе мы платились такими дорогими жертвами, какъ яркіе таланты Марлинскаго, Полежаева, Мочалова, Варламова, дарованія Соколовскаго, Меркли и т. д.... Сатурналіи романтической реакціи праздновались у насъ право гораздо разгульнѣе, чѣмъ на западѣ... Наши

впечатлѣнія отразились во всей жизни, во всѣхъ отношеніяхъ жизни, въ дружбѣ, любви въ особенности, — все равно были ли эти впечатлѣнія изъ источниковъ или впечатлѣнія по слуху... Ни одного альбома замоскворѣцкой барышни той эпохи, не найдете вы, если только найдете такое сокровище, (что подлежить большому сомнѣнію, ибо мы вообще не хранимъ памятниковъ, а замоскворѣцкія барышни и того менѣе), — въ которомъ не встрѣтили бы вы не одного а двухъ, трехъ самодѣльныхъ байрончиковъ и не увидали бы на неизбѣжныхъ въ каждомъ альбомѣ цвѣтныхъ листкахъ каллиграфически-красиво написанныхъ стиховъ изъ Данта ли: *Nessun maggior dolore*, — изъ Байрона ль:

Fare the well and if fore ever и т. д., —

стиховъ, которыхъ языка, не скажемъ по всей вѣроятности, но *всенепременно* не понимали ни писавшіе, ни тѣ владѣтельница альбомовъ, для которыхъ стихи писались, — стиховъ, заимствованныхъ изъ

эпиграфовъ романтическихъ поэмъ и повѣстей эпохи.

Помните ли вы въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Бѣлинскаго — наивное, милое, пламенное мѣсто о томъ, какъ стихи Пушкина журчали въ воздухъ, неслись отовсюду... Это мѣсто, кромѣ своей наивной прелести и поэтичности, имѣетъ еще все значеніе историческаго свидѣтельства... Это было точно такъ не только со стихами Пушкина, но со всякими стихами и поэмами эпохи отъ «Чернеца» Козлова до «Байроновой урны» Трилуннаго. Комически-наивная, но милая эпоха, которую началъ первый посвятитель нашъ въ таинства романтизма, Жуковскій, переросъ недосыгаемо Пушкинъ и безнамѣренно предалъ посмѣянію Полевой трагедіей о разгулѣ жизни Нино Галлури (Уголино) и объ аркадскомъ плетеніи имъ корзинокъ съ Вероникой...

Съ 1830 года вступили мы въ новый «фазисъ развитія», говоря философскимъ языкомъ. Говоря же по просту — 1830 годъ разнуздаль такъ называемую юную

французскую словесность, уже и прежде этого времени заявлявшую впрочемъ себя такими романтическими стремленіями, которыя пахли уже не одной реакціей, — и юная французская словесность взволновала наши сердца и умы.

Замѣчательно, что ею, этой буйной словесностью, увлеклись уже не люди минуты, какъ Полевой, самый блестящій изъ тогдашнихъ людей минуты. Ею увлекся Надеждинъ, ею увлекся Бѣлинскій. Замѣчательно тоже, что и въ наше время — тридцатью годами отдаленное отъ той эпохи — едва ли можно сказать о причинахъ происхожденія и о значеніи юной французской словесности, глубже и основательнѣе того, что сказано Надеждинымъ въ одной изъ статей его «Телескопа», — въ статьѣ: «Баронъ Брамбеусъ и юная словесность»... Такого смѣлаго отрѣшенія отъ условно-нравственныхъ пунктовъ, такого удивительнаго историческаго чутья, такой вѣрной, хотя и страстной оцѣнки, можно

пожелать даже и въ наше время^{*}), по крайней мѣрѣ пожелать больше чѣмъ *кавалерскихъ* отношеній. Съ другой стороны, Бѣлинскій въ ту юную эпоху своей дѣятельности, къ которой принадлежать его неувядающія, безсмертныя «литературныя мечтанія», является жаркимъ поклонникомъ Бальзака и другихъ современныхъ французскихъ дѣятелей...

Замѣчательно наконецъ и то, что именно люди серьезной мысли и серьезнаго чувства увлеклись юной французской словесностью, а врагомъ ея явился баронъ Брамбеусъ — блестящій и многосторонній, но глубоко развращенный умъ, котораго единственнымъ убѣжденіемъ былъ смѣхъ надъ всякимъ убѣжденіемъ, надъ всякимъ высокимъ стремленіемъ въ наукѣ, искусствѣ и жизни...

Все это очень замѣчательно, но вмѣстѣ и понятно. Не увлечься произведеніями Гюго,

^{*}) Какъ жаль вообще, что друзья и почитатели покойнаго Н. И. Надеждина, не позаботятся до сихъ поръ объ изданіи полнаго собранія его сочиненій! Оно принесло бы литературѣ нашей несравненно большую пользу, чѣмъ изданіе сочиненій Сенковского.

въ особенности же его гениальнымъ романомъ, не увлечься дикими и напряженно-гасконскими, но огненными драмами Александра Дюма риге'а и его первыми лихорадочными рассказами, въ родѣ «Маскерада», не повѣритъ наконецъ великому аналитику сердца человѣческаго Бальзаку въ дѣйствительномъ бытіи той эксцентрической «Comedie Humaine», которой пеструю и мрачную картину развертываль онъ все шире и шире съ каждымъ своимъ произведеніемъ, не увлечься всѣмъ этимъ, трудно даже и въ наше время человѣку съ сердцемъ, плотью и кровью, а въ ту молодую эпоху нашего сознанія было просто даже невозможно. Одинъ Пушкинъ по особеннымъ свойствамъ своей чисто-художнической натуры, не принимавшій ничего *напряженнаго* — какія бы достоинства не имѣло это напряженное, смѣявшійся даже въ самомъ себѣ надъ своимъ Гиреемъ, который въ срединѣ боя

Заносить саблю и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ.

одинъ только Пушкинъ могъ съ высоты смотрѣть на мрачную и глубокаго смысла исполненную вакханалію, и одному ему это было извинительно^(*). Лихорадка заражала всѣхъ, у кого были нервы и у кого не отупѣли они въ условной нравственности или въ цинизмѣ брамбеусовскаго безвѣрія... Первое дѣло, или по крайней мѣрѣ одно изъ первыхъ дѣлъ русскаго въ Парижѣ (письма В. П. Боткина въ «Телескопѣ») было взобраться на башни Notre-Dame и поклониться самому Гюго...

А знаете ли, кто между прочимъ былъ поклонникомъ Бальзака? Навѣрно не угадаете читатели, если вы молоды, — и можетъ быть забыли, если вы въ зрѣлыхъ лѣтахъ?.. Шевыревъ, С. П. Шевыревъ, тотъ самый С. П. Шевыревъ, который, сказать — *par parenthise*, еще ждетъ себѣ въ будущемъ справедливой и честной оцѣнки и за свою дѣятельность какъ критика,

(*) Между прочимъ, и Пушкинъ однако, не могъ воздержаться отъ сочувствія къ одному изъ корифеевъ юной словесности — и къ кому же? Къ самому *безнравственному*, хотя правда, наивнѣйшему изъ нихъ — Альфреду де-Мюссе.

впадавшаго нерѣдко въ грубѣйшіе промахи и безтактныя увлеченія (Бенедиктовъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ, одного изъ остроумнѣйшихъ обличителей промышленнаго направленія въ журналистикѣ (борьба въ «Наблюдателѣ» съ «Библиотекою для Чтенія») и кукольниковской фальши въ литературѣ, и за свои учено-историческіе труды, съ которыхъ время сниметъ шелуху, послужившую недавно поводомъ къ остроумной, но въ сущности весьма несправедливой статьѣ г. Луки Варіантова.

Помните ли вы тоже, или знаете ли, гдѣ впервые явилось имя Занда или лучше сказать, гдѣ впервые у насъ произнесено это имя, безъ пошлыхъ шутокъ надъ женщиной—поэтомъ и надъ эмансипаціей, и гдѣ впервые честно переводились, а не передѣлывались, какъ въ «Библиотецѣ для Чтенія», ея романы?..

Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» его перваго періода, въ чинномъ, даже аристократическомъ Наблюдателѣ, цвѣта великосвѣтскихъ перчатокъ, въ палевомъ

Наблюдатель Андрossoва и Шевырева! Московскій Наблюдатель первой редакціи, основался какъ оппозиція — съ одной стороны промышленному и скептическому направленію «Библиотеки для Чтенія», а съ другой стороны — демагогически-рѣзкому направленію надеждинскаго «Телескопа». Московскій Наблюдатель первой редакціи былъ журналъ приличный, состоявшій нѣкоторымъ образомъ *sub auspiciis* — главы нашей литературы, который отдалъ туда знаменитое стихотвореніе наслѣднику Лукулла, но совершенно безсильный и весьма часто безтактный — безтактный до поклоненія стихотворной шумихѣ и до непониманія гоголевскаго «Носа», отвергнутаго его редакціею, безтактный до статей г. Лихонина о Вельтманѣ и до изобрѣтенія С. П. Шевыревымъ особаго рода октавъ для перевода Тасса, въ родѣ слѣдующихъ:

...Но всѣхъ напоръ одинъ онъ
пятить,

То этого, то онаго онъ хватить!..

октавъ, которыхъ *сочиненію* для русскаго языка, предшествовало цѣлое письмо переводчика въ Телескопъ...

Между-тѣмъ, этотъ чопорный, безсильный, безтактный «Наблюдатель» первой редакціи, первый произнесъ съ уваженіемъ имя Занда и далъ публикѣ не передѣлку, а переводъ, и притомъ изящный — одного изъ прекраснѣйшихъ романовъ ея первой эпохи «Симонъ». «Наблюдатель» выдвинулъ Занда въ то время, когда «Библіотека для Чтенія» ругалась надъ г-ою Дюдеванъ, и когда никто еще, даже чуткій Бѣлинскій — не подозрѣвалъ ея великаго значенія.

«Телескопъ» закончилъ свою благородную и энергическую, но мало вознагражденную сочувствіемъ, дѣятельность, громовымъ ударомъ, совершенно-нежданнымъ, совершенно-противорѣчившимъ даже духу убѣжденій редактора — письмомъ П. Я. Чаадаева.

Надеждинъ, какъ дѣятель критическій, сошолъ навсегда съ поприща, къ великому вреду русской мысли и русской литературы.

Бѣлинскій же вступалъ въ новый фазисъ развитія (теперь уже, и въ особенности въ отношеніи къ нему, употребляемъ этотъ терминъ безъ малѣйшей ироніи), съ нимъ вступали и всѣ мы, ибо съ «литературныхъ мечтаній», Бѣлинскій съ разу сталъ народнымъ представителемъ нашего сознанія и представителемъ единственнымъ, ибо другіе передовые люди эпохи, или какъ И. В. Кирѣевскій вырабатывали мысль тяжело и долго, или какъ Хомяковъ разбрасывались искрами, не сосредоточивая своего пламени, или какъ Погодинъ передавали передовыя идеи въ шелухѣ и въ такихъ отсталыхъ формахъ, за которыми исчезали, или вслѣдствіе которыхъ криво и превратно толковались передовыя идеи.

Фазисъ развитія, въ который вступали тогда всѣ мы вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, былъ гегелизмъ въ его первоначальной,

таинственно–туманной и тѣмъ болѣе
 влекущей формѣ, въ формѣ признанія
 разума тождественнымъ съ жизнью, и
 жизни тождественной съ разумомъ. Этотъ
 таинственный гегелизмъ съ его страшно–
 манящимъ, всеохватывающимъ
 принципомъ — гегелизмъ, на первый разъ
 мирившій со всѣмъ историческимъ,
 обѣщавшій всему существующему въ
 нашихъ вѣрованіяхъ, нравственныхъ
 убѣжденіяхъ и даже просто обычаяхъ,
 оправданіе и примиреніе, казался намъ
 всѣмъ, и всѣхъ болѣе Бѣлинскому —
 совершеннѣйшимъ *idealen Reich*, въ
 которомъ по слову великаго поэта,
 имѣющаго несчастье не быть
 признаваемымъ за великаго поэта
 «Вѣкомъ» (едва ли «нашимъ»).

Wort gehalten wird in jenen
 Rkumen
 Jedem schѢnen glKubigen
 GefЯhl,

Этотъ гегелизмъ былъ уже не просто раздражающее вѣяніе какъ шеллингизмъ Кирѣевскаго и Надеждина, онъ становился для всѣхъ адептовъ его, — а кто же изъ мыслящихъ людей не вступалъ тогда въ рядъ его адептовъ, кто изъ впечатлительныхъ людей не шолъ *по слуху* за адептами — становился *впрою*.

Вѣра требовала жертвъ, какъ всякая вѣра. Принципъ тождественности разума и дѣйствительности — на первый разъ становился враждебно противъ всякой вражды и протеста, былъ самъ протестомъ противъ протеста. Да и какъ же иначе? Міръ и жизнь — по крайней мѣрѣ на первый разъ, представлялись стремящемуся духу гармоническими, вполне замиренными и конечный, стремящійся духъ (я употребляю религіозные термины эпохи), отрѣшаясь отъ своей конечности, плавалъ торжественно въ безграничности, сливался съ «Unendlicher Geist», переходилъ въ него и съ высоты смотрѣлъ на разумно-гармоническое мірозданіе...

Вѣра, ибо именно такого рода гегелизмъ, какъ нѣчто таинственное, былъ вѣрою, — требовала жертвъ отъ сознанія и чувства, и въ этомъ случаѣ жрецомъ и жертвоприносителемъ явился конечно прежде всѣхъ Бѣлинскій.

Ясное дѣло, что принципу примиренія съ дѣйствительностью принесено было въ жертву все тревожное въ литературахъ запада, такъ незадолго еще возбуждавшее восторгъ и поклоненіе. Мѣркой всего стала одна художественность: подъ художественностью же разумѣлась только объективность. Передъ этой мѣркой уцѣлѣли весьма немногіе изъ великихъ писателей запада, а именно: изъ англичанъ — Шекспиръ, да Вальтеръ-Скоттъ, да Куперъ (Байронъ не былъ пониженъ, но о немъ умалчивалось), изъ нѣмцевъ — одинъ Гёте, да Гофманнъ. О Шиллерѣ говорилось свысока, какъ о какомъ-то вѣчномъ юношѣ. Французы были разомъ всѣ похерены во всемірной литературѣ, за исключеніемъ Андрея Шенье: противъ Занда промелькнули даже

двѣ—три враждебныя выходки: осталъная юная словесность предана конечному поруганію... Собственно, главнымъ идоломъ новаго направленія сталъ Гёте, и изучать его, значило положительно жить *im unendlichen Geiste*.

Но дѣло въ томъ, что ни взглядъ съ висока на Шиллера Бѣлинскаго и другихъ адептовъ гегелизма, не имѣлъ ничего общаго съ современнымъ взглядомъ съ висока на Шиллера... ну хоть бы газеты «Вѣкъ»; ни выходки противъ тревожной дѣятельности запада, хотя чуть что не презрительныя, не имѣли ничего общаго съ глумленіемъ наглаго скептицизма «Библиотеки для Чтенія» тридцатыхъ годовъ, равно какъ и съ мѣщанскими, хотя и «одѣтыми въ англійскій пиджакъ» выходками «Библиотеки для Чтенія» въ 1856 году, и съ знаменитымъ объявленіемъ «Отечественныхъ Записокъ» сего 1861 года.

Такое же различіе было между этими явленіями, какъ между убѣжденіемъ и манією, какъ между глубокой вѣрою и празднымъ баловствомъ мысли...

Мало ли было ошибокъ у Бѣлинскаго — ошибокъ и литературныхъ и общественныхъ, но положа руку на сердце, можно смѣло сказать, что каждая ошибка его, отъ статьи о «Бородинской годовщинѣ» до статьи о «Парижскихъ тайнахъ», была дороже по значенію и плодотворнѣе по послѣдствіямъ, неизмѣнности многихъ мнѣній и всѣхъ многоразличныхъ маній послѣднихъ десяти лѣтъ, взятыхъ вмѣстѣ. Ни одна изъ ошибокъ его не имѣла источникомъ своимъ того тупого самодовольства, которое такъ долго напримѣръ не позволяло устарѣлой критикѣ послѣднихъ десяти лѣтъ, признать Островскаго, ни того праздношатанія мысли, которому ни почему Шиллеръ и Зандъ — потомучто собственно ему все ни почему.

Бѣлинскій былъ прежде всего доступенъ — даже иногда неумѣренно доступенъ всякому новому проявленію истины. Можно безъ особенной смѣлости предположить, что въ 1856 году, онъ сталъ бы славянофиломъ, и несомнѣнно полагать,

что еще въ 1851 году, указаль бы онъ на Островскаго, какъ на провозвѣстника новаго литературнаго движенія...

Во все истинное и прекрасное онъ влюблялся страстно и глубоко. Именно «влюблялся» — это настоящее слово для правильного опредѣленія отношеній этой могущественной и вмѣстѣ женски-впечатлительной природы къ истинѣ, добру и изящному... Увлеченный страстью, онъ готовъ былъ тотчасъ же «сжигать корабли за собой», разрывать всѣ связи съ прошедшимъ, если прошедшее мѣшало настоящему. Вины его — не его вины, а вины самого гегелизма, котораго одной стороны былъ онъ самымъ сильнымъ у насъ толкователемъ — стороны исключительной вѣры въ прогрессъ, въ послѣднюю минуту, какъ въ самую истинную, въ этого страшнаго, всепожирающаго «Gott im Werden», свергающаго оболочку за оболочкою...

Въ 1834 году, Бѣлинскій вопіеть на Пушкина за его «Анджело» и за спокойныя стихотворенія, въ которыхъ самое

стихосложеніе находитъ онъ
соотвѣтствующимъ пѣтикамъ архимандрита
Аполлоса и Остолопова. Въ 1838 году въ
«Зеленомъ Наблюдателѣ» у него «духъ
занимается отъ восторга» надъ послѣднею
дѣятельностью Пушкина...

E sempre bene, господа!

сказалъ бы конечно на это великій поэтъ,
если бы былъ живъ. И дѣйствительно:
«*sempre bene*» могли сказать на это и мы.
Въ 1838 году, Бѣлинскій глубже ли, нѣтъ
ли, но иначе уразумѣлъ и почувствовалъ
Пушкина и передалъ намъ моментъ своего
разумѣнія и чувства съ величайшею
искренностью...

«Зеленый наблюдатель» былъ
кратковременной ареною различныхъ
жертвоприношеній «абсолютному духу»,
«художественной объективности» и проч.
Названіе поэта субъективнымъ было тогда
названіемъ ругательнымъ. Помнится, чуть
ли даже «Уголино» Н. А. Полеваго не
ругали за субъективность и притомъ съ

величайшею важностью, когда эту штуку надобно было ругать за мануфактурность — чуть ли переводъ Гамлета не называли «субъективнымъ»... А между тѣмъ, въ тоже самое время, во время самага неистоваго служенія объективности, Бѣлинскій прорывался всей своей старой, страстной натурою, разбирая субъективнѣйшую игру Мочалова.

На моментъ примиренія съ дѣйствительностью Бѣлинскій остановиться не могъ. Перейдя въ «Отечественныя Записки», онъ въ 1839 году, въ концѣ, дошолъ смѣло до крайнихъ *абсурдовъ* примиренія въ статьяхъ, возбудившихъ даже негодованіе во многихъ изъ его друзей и почитателей, и затѣмъ поворотилъ круто не по страху передъ порицавшими, а по глубокому внутреннему убѣжденію, какъ всегда...

Для него зажглись новыя свѣтила: Гоголь, Лермонтовъ, Зандъ. Гоголю сначала поклонялся онъ за объективность же, но потомъ разъяснилъ все его великое отрицательное значеніе въ нашей жизни.

Для Лермонтова и Занда нашлось новое слово объясненія: *паѳосъ*, и *паѳосъ* замѣнили *объективность*.

«Паѳосъ» поднялъ и Шиллера, но увлеченный новымъ міромъ, Бѣлинскій не поднялъ многого, что уничтожилъ во имя объективности.

Вся «французская юная словесность» такъ и осталась похеренною... Зандъ, которая и въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою явленіе совершенно особенное — осталась для насъ одна. Всѣ прежнія наши впечатлѣнія мы должны были то — во имя объективности, то во имя паѳоса, то наконецъ во имя еще болѣе могучихъ словъ, которыхъ

значенье

Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать не возможно...

и въ которыя милый нашъ литературный деспотъ, властительно заставлялъ насъ вѣрить; — всѣ бывалыя впечатлѣнія отъ

Гюго, Дюма, Бальзака, Сю и т. д., — мы должны были въ себѣ искоренить, задавить или по крайней мѣрѣ затаить. Иначе и нельзя было. Даже самый смѣлый изъ тогдашнихъ мыслителей, и тотъ на примѣръ, въ письмахъ о «Дилетантизмѣ» помнится, поставилъ Гюго на одну доску съ помѣшаннымъ «докторомъ любви», Захаріей Вернеромъ, словами, что Вернеръ съумасшедшій, который вообразилъ себя поэтомъ, а Гюго поэтъ, который вообразилъ себя съумасшедшимъ. Это не мѣшало намъ конечно, втихомолку перечитывать иногда «Notre-Dame» и даже смотрѣть Мочалова или Каратыгина въ роли Клавдія Фролло или Клоде Фролло, какъ значилось бывало въ афишѣ нелѣпости, состряпанной извѣстной кухаркой, г-жею Бирхъ Пфейферъ изъ высоко-поэтического созданія.

Во всякомъ случаѣ, Зандъ утвердилась въ нашей литературѣ на все время жизни Бѣлинскаго. Къ Гёте онъ сталъ холоднѣе — но его не развѣнчивалъ, хотя уже и появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ»

1845 года, чья-то смѣлая статейка о старчествѣ второй части Фауста. Шиллеру возвращены были всѣ права на уваженіе. О Байронѣ ужь и говорить нечего.

Къ числу идоловъ прибавился еще Диккенсъ, въ котораго тоже страстно влюбился нашъ вожатый за его реализмъ и правду, хотя не разъ высказывалъ свое неудовольствіе на братцевъ Чарльсовъ и другія приторныя лица знаменитаго англійскаго романиста. Вообще же, поклоняясь реализму Диккенса и англичанъ, Бѣлинскій никогда не думалъ, что они будутъ для насъ когда-либо исключительными свѣтилами, передъ которыми совершенно поблѣднѣетъ такое свѣтило какъ Зандъ и единственными мѣрками нашихъ нравственныхъ воззрѣній.

Съ Бѣлинскимъ кончаются наши, часто неправильныя, но всегда серьёзныя и искреннія отношенія къ великимъ западнымъ писателямъ.

По смерти Бѣлинскаго въ критикѣ нашей, какъ въ этомъ такъ и въ другомъ

отношеніи, начинается рядъ маній и праздношатаній мысли.

Маніи эти могли бы послужить предметомъ любопытныхъ психологическихъ изученій сами по себѣ, но по отношенію къ поднятому нами вопросу имѣютъ мало существенной важности. Что напримѣръ важнаго, по отношенію къ этому вопросу, что фешенебельно-блазированный «иногородный подписчикъ» сталъ было находить вкусъ, въ романахъ Анны Радклеифъ и даже въ романахъ г. Степанова, и изъявлять другія болѣе гастрономическія, чѣмъ литературныя потребности? что «Библіотека для чтенія» въ 1856 г. иронически относилась къ Занду и ея поклонникамъ, высказывала не разъ самое уничтожающее равнодушіе къ Генриху Гейне и т. д. и т. д.?

Дѣло въ томъ, что причемъ насъ оставилъ въ нашихъ сочувствіяхъ Бѣлинскій, притомъ мы и до сихъ поръ остаемся. Нѣкоторыя только изъ сочувствій его, какъ напримѣръ — сочувствіе къ англійскому

роману, довели мы до исключительности и крайности.

Провѣрить же свои впечатлѣнія, постараться возвратить имъ если не полную законность, то по крайней мѣрѣ приличную долю законности, мы не потрудились.

Да и зачѣмъ же? Англійскихъ романовъ, и притомъ замѣчательныхъ, выходитъ немало: для нашихъ журналовъ есть стало-быть всегда хорошій матеріаль! «что и требовалось доказать», какъ говорится. Изрѣдка можно и Занда пустить — только непременно въ неопрятномъ и невѣжественномъ переводѣ, какъ недавно сдѣлано съ Консуэло... Для разнообразія существуетъ еще мѣщански-сентиментальный соръ Крашевскаго, Корженевскаго и другихъ польскихъ повѣствователей.

Такъ порѣшается вопросъ объ иностранныхъ писателяхъ для журнально-комерческой точки зрѣнія, но едвали такъ можетъ быть онъ рѣшонъ съ точки зрѣнія правды.

III

Отношенія наши къ иностраннымъ знаменитымъ писателямъ должны быть непременно провѣрены.

Мы не говоримъ, что непремѣннымъ результатомъ этой провѣрки будетъ возстановленіе тѣхъ или другихъ авторитетовъ, тѣмъ менѣе подчиненіе нашего самостоятельнаго взгляда на иностранныхъ знаменитыхъ писателей, взгляду критиковъ ихъ націй. Напротивъ — избави насъ Богъ отъ такихъ результатовъ провѣрки, которые бы лишили насъ самостоятельности, и можно надѣяться, что такихъ результатовъ мы и не примемъ, да и не можемъ принять.

Но дѣло—то въ томъ, что въ нашихъ жертвахъ, которыя мы приносили то искреннимъ увлеченіямъ, то капризнымъ маніямъ, именно не было самостоятельности, равно какъ не было и нѣтъ ихъ въ *кавалерскихъ* отношеніяхъ нашихъ литературныхъ наѣздниковъ.

Начнемъ дѣло аб ово. Начнемъ съ почтеннаго старика, съ французскаго классицизма. Мы сначала приняли его слѣпо и переводили его или скорѣе перепирали

...на родной языкъ осинъ

по выраженію одной эпиграммы, относящейся впрочемъ къ переводамъ Шекспира. Въ нашей *классической* литературѣ, не было ничего серьёзнаго, ничего перешедшаго какимъ-нибудь образомъ въ жизнь. Это былъ рядъ «выдуманныхъ сочиненій», до которыхъ жизни не было никакого дѣла, а было дѣло только нѣсколькимъ достопочтеннымъ старцамъ-писателямъ, да тѣмъ господамъ, которымъ

Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.

А между тѣмъ литература наша, относилась весьма долго ко всему этому

очень серьёзно — и когда Мерзляковъ позволилъ себѣ усумниться въ величіи никѣмъ нечитаемаго Хераскова, онъ возбудилъ противъ себя вопли. Еще болѣе скандала между литературными старцами возбудили критическія оцѣнки старыхъ писателей Полевымъ, хотя онъ часто въ отношеніи ко многимъ авторитетамъ, какъ напримѣръ къ Державину, очень ловко отдѣлывался шумихою фразъ... Когда же Бѣлинскій начиная съ «литературныхъ мечтаній» поднялъ беспощадную борьбу противъ нашихъ авторитетовъ, слышались уже не вопли — а нѣчто худшее, юридическіе обвинительные акты въ прозѣ и стихахъ, въ родѣ знаменитой элегіи одного изъ самыхъ злобныхъ литературныхъ старцевъ, вопіявшей между прочимъ:

Карамзинъ тобой ужаленъ, Ломоносовъ
не поэтъ...

Станнымъ образомъ, эту защиту фальшивыхъ явленій принимали не одни

только литературные старцы, а люди во многихъ отношеніяхъ передовые. Въ разоблаченіи «выдуманныхъ сочиненій», въ строгой повѣркѣ *сдѣланной* нашей литературѣ, неимѣвшей ничего общаго ни съ народомъ, ни съ народною жизнью, видѣли оскорбленіе нашего народнаго чувства, люди дѣйствительно и глубоко—преданные народности!

Съ другой стороны злоба наша на французскій классицизмъ во времена Полеваго, была отчасти *подражательная* злоба, злоба заднимъ числомъ, злоба по воспоминанію о Лессингѣ, который боролся и долженъ былъ бороться въ свое время съ ложнымъ классицизмомъ, какъ съ живымъ явленіемъ, тяготѣвшимъ надъ самостоятельностью германскаго искусства. И борьба Лессинга и негодованіе Шиллера на Гёте за переводъ вольтерова Магомета, негодованіе, вылившееся въ превосходномъ стихотвореніи (хоть Шиллеръ и самъ перевелъ рассинову Федру) совершенно понятны. Понятно также, т. е. объясняется историческими причинами, враждебное

отношеніе къ французскому классицизму братьевъ Шлегелей, хотъ оно и доходило у нихъ до крайностей, до непониманія напримѣръ геніальнаго таланта Мольера. Но наше озлобленіе какъ чисто *сочиненное*, имѣло въ себѣ нѣчто донкихотское, потомучто мы рѣшительно воевали съ мельницами. Съ первымъ нашимъ геніальнымъ человѣкомъ и народнымъ писателемъ Пушкинымъ, мы совершенно свободны были отъ всего условнаго, разомъ стали въ уровень съ европейскою современностью и разомъ же обрѣли свою самостоятельность. Французскій классицизмъ нисколько не повредилъ Пушкину своимъ вліяніемъ, а скорѣе былъ ему полезенъ своими, такъ сказать, лощеными формами...

Какъ привязанность наша къ французскому классицизму, такъ равно и ожесточенная борьба съ нимъ, были равно *сочиненными* явленіями въ нашемъ умственномъ и нравственномъ развитіи. Классицизмъ попортилъ можетъ быть у насъ два—три второстепенныхъ таланта

(напримѣръ Батюшкова), но не только гению Пушкина, а и высокому таланту Жуковского не помѣшаль нисколько въ самостоятельномъ развитіи. Державину помѣшаль не классицизмъ — а съ одной стороны его невѣжество, съ другой отсутствіе вкуса и мѣры; Фонвизину тоже не классицизмъ воспрепятствовалъ быть комикомъ поэтомъ, а воспрепятствовало отсутствіе идеала и грубость чисто разсудочной натуры. Грибоѣдову же напротивъ, даже и тѣ немного классическія формы, въ которыя записаль онъ нѣсколько свою вовсе не классическую драму, не помѣшали быть въ ней высокимъ поэтомъ. Стало быть, въ сущности намъ отъ классицизма не было ни тепло, ни холодно. Пусть Ермилъ Костровъ обезобразиль александрійскимъ стихомъ и напыщенною рѣчью Гомера, истинному поэту Гнѣдичу это не помѣшало почувствовать античное и передать намъ его поэтически-величаво...

Слѣдовательно, о вредномъ вліяніи классицизма на литературу нашу, говорить нельзя. Онъ не отнялъ у насъ никакихъ

силъ, которыя были бы силами дѣйствительными. Явленіе *сочиненное*, онъ могъ имѣть вліяніе на литературу только до тѣхъ поръ, пока она была *сочиненная*. Изъ Сумарокова (какъ трагика и лирика), изъ Княжнина, даже изъ талантливаго человѣка Озерова — не вышло бы ничего большого даже и тогда, когда бы мы вовсе не были знакомы съ французскимъ классицизмомъ. Напыщенность и ходульность, внесенныя его вліяніемъ въ *сочиненную* литературу, въ жизнь не переходили, и постоянно осмѣивались литературою живою, сатирическою и комическою, въ сатирахъ и пародіяхъ. «Митюха Валдайскій» былъ живымъ протестомъ русскаго здраваго комизма противъ ходульности Дмитрія Донского, циническія пародіи Баркова на тонъ и содержаніе трагедій Сумарокова и Княжнина, читались конечно гораздо болѣе этихъ трагедій и доставляли живымъ людямъ гораздо большее хотя и не совсѣмъ приличное удовольствіе...

Вражда наша къ французскому классицизму была поэтому столь же

безосновна, какъ и подчиненіе наше его вліянію, а между тѣмъ установила въ нашей литературѣ нѣсколько ложныхъ къ нему отношеній. Съ Полевымъ мы отрицались отъ Корнеля, Расина и Вольтера, — съ Бѣлинскимъ мы пошли дальше, мы отвергли значеніе Мольера какъ художника. Изъ этого опять таки не слѣдуетъ, чтобы мы не дерзали

..... смѣть
Свое сужденіе имѣть...

чтобы мы должны были ставить Мольера также высоко какъ ставятъ его сами французы — но что Мольеръ, какъ великій поэтъ своей націи, какъ великій комикъ вообще, стоитъ до сихъ поръ нашего изученія, это несомнѣнно. Равномѣрно нельзя же предполагать, чтобы поэты, признаваемые цѣлою націею до сихъ поръ великими, какъ на примѣръ Корнель и Расинъ, поэты, на которыхъ воспитывались цѣлыя поколѣнія, не имѣли въ себѣ чисто народныхъ достоинствъ, такихъ свойствъ,

которыя и другимъ народамъ могутъ дать какія либо впечатлѣнія, чтобы они не внесли чего либо въ общее достояніе человѣческаго духа... Изъ этого впрочемъ тоже не слѣдуетъ нисколько, чтобы мы опять обязаны были впасть въ насильственные восхищенія и поклоненія классицизму, какъ чуть-что не порывались впадать нѣкоторые по поводу пріѣзда къ намъ Рашели. Различныя мнѣнія, высказавшіяся у насъ по поводу этого пріѣзда — показали только, насколько мы не установили для себя никакихъ опредѣленныхъ понятій объ изящномъ. Литературные старцы, какіе еще оставались, и свѣтская чернь, которой всегда и вездѣ много, вмѣсто того чтобы говорить о великомъ талантѣ артистки, съумѣвшимъ оживить давно мертвыя формы, опоэтизировать вещи явно фальшивыя, начали говорить, какъ о дѣлѣ, о классической драмѣ. Такіе толки вызвали конечно и донкихотскій протестъ нѣкоторыхъ. Не помнимъ кто-то и гдѣ-то поднялъ чуть-что не всю *Hamburgische*

Dramaturgie Лессинга, для доказательствъ фальшивости **Расинова Британника, Роксаны** и т. д. А дѣло, конечно не заслуживало

Ni set excus d'honneur, ni cette indignité!..

Съ классицизмомъ (т. е. французскимъ) серьёзныя, живыя отношенія наши покончены, да не только наши, но и отношенія самой Франціи, въ особенности по смерти Рашели. Есть что-то слишкомъ видимо заказное и казенное, что-то поэтому самому неприятно дѣйствующее на чувство въ представленіяхъ классическихъ трагедій въ *théâtre Français* въ Парижѣ. Масса, да и то, сколько мы могли видѣть, немногочисленная, ходитъ въ эти представленія по какой-то рутинѣ. Самыя комедіи **Мольера** смотрятся съ удовольствіемъ только тогда, когда исполняются исторически вѣрно, съ ихъ шутовскими интермедіями (**Malade Imaginaire, Пурсоньякъ** и т. д.), кромѣ высшей изъ его комедій **le Festin de Pierre**,

особенно при художественномъ воспроизведеніи Бресаномъ въ лицѣ Донъ-Жуана, типа французскаго гоуиъ, который и создавалъ именно Мольеръ. Въ «Тартюфѣ», его вѣчное содержаніе не выкупаетъ уже поблѣднѣвшихъ красокъ.

Французской литературѣ XVII вѣка сестра, и притомъ сестра старшая — литература итальянская XVI вѣка, литература эпохи возрожденія. Наши отношенія къ ней, т. е. къ ея главнымъ представителямъ, Тассу, Аріосту и т. д. совершенно заглохли. О Дантѣ, отцѣ итальянской литературы, говорилось у насъ много, т. е. имя его произносилось часто въ эпоху «Телеграфа» и даже послѣ, но въ переводахъ нашихъ ему крайне не посчастливилось. Можно сказать, что въ литературу нашу перешло изъ Данта только то, чего никогда онъ не писалъ, но что вѣтъ его духомъ и передаетъ глубоко поэтическій смыслъ его, т. е. то, что далъ намъ Пушкинъ подъ именемъ подражаній Данту — да развѣ мѣсто о судьбѣ

Франчески, хотя невѣрно, но поэтически переданное Козловымъ.

Франческа! я грустиль твоей тоскою и т. д.

Плохой переводъ г. Фанъ—Дима въ прозѣ и добросовѣстный трудъ г. Мина въ тяжолыхъ стихахъ, равно не нашли и не могли найти себѣ читателей — одинъ по крайней безцвѣтности, другой по крайней буквальности... Объ итальянскихъ поэтахъ эпохи *возрожденія* мы сначала составляли себѣ превратнѣйшее понятіе, благодаря нашимъ романтикамъ, заставившимъ насъ, какъ г. Кукольникъ, городить чепуху; потомъ отнесли къ нимъ почти съ тѣмъ же презрѣніемъ, какъ къ французскому классицизму. Тасъ, часто дѣйствительно ложный, искусственный, но мѣстами сладостно—поэтическій, извѣстенъ намъ или въ нечитаемомъ переводѣ съ французскаго Москотильникова, или въ балладной пародіи весьма впрочемъ даровитаго Раича или въ дубовыхъ октавахъ С. П. Шевырева.

Аріостъ точно также въ нелѣпомъ прозаическомъ переводѣ восьмисотыхъ годовъ и въ балладной пародіи Раича... Одному Козлову удалось передать поэтичность Тасса въ отрывкѣ о тоскующемъ Танкредѣ, но къ сожалѣнію слѣпой пѣвецъ вообще далъ намъ только нѣсколько отрывковъ. Пушкинъ дѣлалъ тоже опыты перевода Аріоста: отысканы въ его бумагахъ черновые, совершенно неотдѣланные опыты, въ которыхъ Аріостъ виднѣе однако, чѣмъ въ самыхъ подстрочныхъ, самыхъ добросовѣстныхъ нѣмецкихъ переводахъ.

Вообще же итальянская литература вовсе какъ—то не привилась къ намъ, не смотря на восклицаніе о Дантѣ въ родѣ того

Что въ морѣ купаться, то Данта читать...

и на прекрасныя статьи Кудрявцова о Дантѣ въ позднѣйшую эпоху, не смотря даже на романтическій бредъ Тасса г. Кукольника... Есть люди, и очень умные люди, которые въ каждомъ читающемъ

Данта и восхищающемся имъ, заподозрѣваютъ даже аффектацію чувства... Итальянская литература однимъ словомъ, составляетъ у насъ удовольствіе немногихъ специалистовъ, даже въ позднѣйшихъ своихъ представителяхъ. Чтобы полюбить ее и понять, надобно полюбить и понять итальянскую національность — всю, цѣльную, въ ея исторіи, поэзіи, живописи и музыкѣ. Гоголь тщетно взывалъ изъ Италіи на счетъ ознакомленія насъ съ итальянскимъ театромъ, съ Гольдони и т. д., тщетно перевелъ самъ «Дядьку въ хлопотахъ» (*L'ajo nel imbarazzo*).

Сѣтовать объ этомъ конечно нечего, ибо жизнь сама знаетъ чтъ ей слѣдуетъ принять и что отвергнуть. Но не все то что не принимается жизнью, подлежитъ забвенію и тѣмъ менѣе *кавалерскимъ* выходкамъ...

Обращаясь къ литературѣ французской, именно къ литературѣ XVIII вѣка, нельзя не замѣтить того факта, что самые высшіе ея представители, Вольтеръ и Руссо, потеряли для насъ всякое другое значеніе,

кромѣ значенія историческаго. О другихъ и говорить нечего. Пушкинъ давно созналъ это въ своемъ удивительномъ, рельефно представляющемъ цѣлый вѣкъ, посланіи къ «Вельможѣ». Но историческими изученіями знакомить нашу публику съ этой литературой, имѣвшей такое огромное вліяніе на нашихъ прадѣдовъ, дѣдовъ и даже частью отцовъ, имѣвшей вліяніе на Карамзина и даже на Пушкина, было бы кажется дѣло весьма не бесполезное... Непосредственное вліяніе ея на наше нравственное развитіе конечно отошло вмѣстѣ съ жизнью дѣдовъ и прадѣдовъ — но какое же нибудь наслѣдство они намъ оставили, и въ наслѣдство это входятъ не малою долею вѣянія XVIII вѣка... Доказательство на лицо въ нѣкоторыхъ типахъ, изображаемыхъ нашею литературою въ послѣднее время, какъ на примѣръ у Тургенева въ «Трехъ портретахъ» и въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»... Типы XVIII вѣка разумѣется приняли у насъ свой особый отпечатокъ, часто дико-татарскій, еще чаще комическій, но вліяніе

европейскаго XVIII вѣка на нихъ очевидно — а разъяснить это вліяніе иначе нельзя, какъ историческимъ изученіемъ литературы этого вѣка... Самый Грибоѣдовъ, одинъ изъ великихъ нашихъ народныхъ писателей, безъ XVIII вѣка не будетъ совершенно понятенъ. Безъ XVIII вѣка не совершенно понятенъ будетъ и Лермонтовъ, по крайней мѣрѣ непонятны будутъ источники его скептицизма и разочарованія... Ибо надобно же было чѣмъ-нибудь дойти, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ насъ, до лермонтовской «Думы». — Дума сама указываетъ на дѣло

И предковъ скучны намъ
роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій
развратъ...

XVIII вѣкъ и у насъ, по крайней мѣрѣ въ немногихъ натурахъ, дошолъ до того пресыщенія и утомленія, что по слову Пушкина

Звукъ новой чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона едва развлечь насъ
могъ!

Можно бы прибавить только, что самая лира Байрона, единственная, способная расшевелить поколѣніе, пережившее послѣднюю четверть XVIII вѣка и положить роковую печать на поколѣніе только что начинавшее жить, совершенно непонятна исторически безъ XVIII вѣка.

Лира Байрона!.. Да, насъ, дѣтей XIX вѣка, она можно сказать повѣла. Что ни говорите противъ однообразнаго тона этой лиры — дѣйствіе, ею произведенное на міръ, было гораздо сильнѣе многихъ разнообразнѣе звучавшихъ лиръ, междупрочимъ лиры великаго Веймарскаго старца. О демонизмѣ этой лиры кажется пора уже перестать толковать. Лира, какъ всякая лира, была не виновата въ тѣхъ звукахъ, которыя изъ нея извлекало вѣяніе всемірнаго духа...

Отношеніе литературы нашей къ Байрону было въ полномъ смыслѣ заразою и

повѣтріемъ. Въ настоящую же минуту оно до того охладѣло, что на дняхъ еще одинъ изъ бардовъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», чуть что не глумился надъ его «Сарданапаломъ», казня по этому поводу эгоизмъ(*).

Эгоизмъ казнить очень легко, но порѣшить дѣло съ той обаятельной поэзіей, которая заключается и вѣроятно долго будетъ заключаться въ Байронѣ для человѣчества, казнить то тревожно-лихорадочное, страстно-мрачное чувство, которымъ эта поэзія проникнута, — дѣло очень трудное и даже невозможное. Въ Байронѣ — есть вѣчное, чего онъ явился полнѣйшимъ выразителемъ. Зачѣмъ его пытаться сравнивать съ Гомеромъ, какъ дѣлаетъ упомянутый нами бардъ, и требовать отъ него спокойной объективности Гомера и повторять давно извѣстную истину, что къ Гомеру приближается одинъ Шекспиръ. Гомеръ — Гомеромъ, Шекспиръ — Шекспиromъ, но и Байронъ и Шиллеръ и Мицкевичъ и

(*) Уймуть ли, наконецъ, «Отечественныя Записки» свою газету?

Пушкинъ не такія же ли неотъемлемыя сокровища чловѣческаго духа?..

Къ Байрону мы бы впрочемъ и безъ упомянутаго нами барда давно охладѣли, если бы, какъ замѣтили мы уже прежде, намъ не натвердили прежніе учителя о томъ, что онъ — представитель протеста и если бы съ нами не сроднилъ его Пушкинъ...

Рука объ руку съ мрачнымъ и лихорадочнымъ скептицизмомъ Байрона, шло въ первой четверти XIX вѣка направленіе, представлявшее, другую сторону романтизма — сторону *реакціонную*, направленіе, котораго представителями были Шатобрианъ во Франціи, Гёрресъ и братья Шлегели въ Германіи, Вальтеръ-Скоттъ въ Англіи. Высокое значеніе этого направленія, помимо странностей, въ которыя впадало оно с Гёрресомъ и Шлегелями — странностями, которыхъ литературнымъ результатомъ былъ Захарія Вернеръ; помимо пошлости вальтерскоттовскаго міросозерцанія, заключалось въ

возстановленіи духовной связи съ прошедшимъ, любви къ прошедшему, противодѣйствию узкой разсудочности и математическому уровню времени имперіи. У Ламартина есть статья «Destinées de la royaume», въ которой вѣрно и поразительно схвачены непривлекательныя черты математическаго уровня.

Къ этой эпохѣ, благодаря увлеченіямъ Бѣлинскаго, принято у насъ за правило относиться или насмѣшливо или равнодушно, въ особенности же къ Шатобриану и къ Шлегелямъ; что едва ли справедливо. Смѣясь, съ легкой руки Гейне, надъ братьями Шлегелями и ихъ стремленіями, надъ сумасшедшими драмами Вернера и дѣйствительно пошлою дѣятельностью Грильпарцеровъ, Раупаховъ, Мюльнеровъ, мы забываемъ, что это направленіе дало міру великаго поэта Гофманна, къ которому мы вдругъ почему-то охладѣли.

Но Гофманнъ — такое явленіе, которое можетъ и должно быть принято или отвергнуто цѣликомъ... А сколько такихъ

явленій этой эпохи и этого направленія, которыхъ цѣликомъ принять нельзя, но нельзя же цѣликомъ и отвергнуть. Хоть бы напимѣрь Шатобріанъ — романтикъ по преимуществу, романтикъ до того, что онъ даже въ древнихъ, даже въ Одиссеѣ, не говоря ужъ въ *Виргилии*, ищетъ романтическаго; Шатобріанъ, не смотря на классическіе свои предразсудки и вслѣдствіе ихъ — промахи, одинъ изъ глубокихъ и тонкихъ критиковъ во всемъ томъ что ему доступно; Шатобріанъ съ его особымъ и во всякомъ случаѣ любопытнымъ взглядомъ на исторію; Шатобріанъ наконецъ какъ поэтъ — создатель замѣчательнаго типа, типа Рене — какъ поэтъ, прорывающійся, въ напыщенныхъ даже формахъ, такими удивительными эпизодами, какъ эпизодъ Велледы въ «*les Martyrs*»... А Бенжамень Констанъ и г-жа Сталь?.. Все это какъ — будто кануло для насъ въ вѣчность — съ сороковыхъ годовъ... А самый Ламартинъ наконецъ, къ которому журналы наши *обыкли* относиться чуть ли не съ

презрѣніемъ, со времени отреченія Бѣлинскаго отъ французской словесности вообще, и котораго его нація, не смотря на его неудачную политическую дѣятельность, продолжаетъ считать однимъ изъ великихъ поэтовъ своихъ? Мы не думаемъ конечно считать его, какъ эта нація — однимъ изъ великихъ поэтовъ, но желали бы вызвать нашу критику на зрѣлое обсужденіе его, вмѣстѣ съ другими дѣятелями эпохи реставраціи...

Настала эпоха юной французской словесности, съ ея блестящими представителями: Викторомъ Гюго, молодымъ еще тогда Александромъ Дюма, Бальзакомъ, Сю, Сулье, Жаненомъ, Мюссе, Мериме, Нодье и т. д. Что это было волканическое изверженіе дѣйствительныхъ, болѣе или менѣе яркихъ талантовъ, болѣе или менѣе могучихъ силъ, пора кажется въ этомъ убѣдиться. Каждая изъ этихъ силъ бросила міру немало впечатлѣній, а нѣкоторыя, какъ Гюго и Бальзакъ — очень много. Нѣтъ ни одного таланта изъ поименованныхъ, который бы

не оставилъ по себѣ на память хоть одной замѣчательной книги... Книги эти не только производили, но до сихъ поръ способны производить сильнѣйшее впечатлѣніе. Не говоримъ о Гюго, о его колоссальномъ романѣ (до сихъ поръ еще не переведенномъ по-русски), о его чисто-гениальныхъ взглядахъ на искусство, о его драмахъ и стихахъ. Не говоримъ о Бальзакѣ, въ первоначальномъ поклоненіи которому Бѣлинскій былъ гораздо правѣе, чѣмъ въ послѣдующемъ отреченіи отъ него^{*}). Согласитесь, что отрекаясь отъ этихъ славъ Франціи, мы только на слово повѣрили Бѣлинскому, а Бѣлинскій, какъ разъясняли мы, принесъ ихъ въ жертву «объективности и художественности», и потомъ, увлекшись исключительно

^{*}) Съ Бальзакомъ въ нашей критикѣ вышла престранная исторія. Изъ всѣхъ современныхъ ему писателей Франціи, онъ болѣе всѣхъ подходилъ подъ мѣрку нашей критики сороковыхъ годовъ. Помимо отрицанія, котораго у него почти не было, тогдашняя натуральная школа должна бы была благоговѣть передъ нимъ. Реальнѣе его, можетъ быть, и не было писателя во Франціи. А по *типамъ*, чѣмъ мы особенно тогда дорожили да и теперь дорожимъ, онъ стоитъ совершенно уединенно въ своей литературѣ. Припомните *Père Goriot*, *Eugenie Grandel*, *Les parents pauvres* и другія его высокія произведенія.

протестомъ Занда, забыль или не успѣль оправдать ихъ во имя «паѳоса», а мы до сихъ поръ такъ и стоимъ на той точкѣ, на которой онъ насъ оставилъ... А то что писалъ Александръ Дюма риге въ его молодости, его первыя горячечныя драмы, первые романы и повѣсти. Смѣясь надъ маркизомъ де ла Пальетри, *презирая* его, хотя и переводя съ азартомъ его послѣдующія сказки — Монте-Кристо и т. п., мы все-таки не составили себѣ о немъ никакого опредѣленнаго понятія... А оригинально-наивный и капризный талантъ Нодье, у насъ какъ-то вовсе неизвѣстный, а «Записки дьявола» Сулье, — этотъ любопытный памятникъ страшнаго, хоть и односторонняго анализа, а «la vigie de Koat-ven», а нѣкоторые эпизоды изъ «Martin, l'enfant trouvé», какъ напр. «Limousin et son chien», или даже изъ «Mystires de Paris» — Евгенія Сю? — а «l'ane mort» Жанена, эта отвратительно-дѣйствующая на чувство, но замѣчательнѣйшая книга... Все это было порожденіе направленія лихорадочно-

страстнаго, но серьёзнаго, глубоко запускавшаго скальпель въ бездны человеческой души, — и ко всему этому мы отнеслись съ такого рода равнодушіемъ, сначала конечно горячо увлекшись, которое можетъ быть объяснено только нашей несерьёзностью вообще.

Но вѣдь были же у насъ люди, которые смотрѣли на совершавшіяся передъ ними вулканическія изверженія силъ — глубокимъ и достойнымъ мыслителей взглядомъ. Мы упоминали о статьѣ покойнаго Надеждина. Уровень ея такъ высокъ сравнительно съ теперешнимъ уровнемъ нашимъ, что иногда не вѣришь въ нашъ прогрессъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи.

Мы не думаемъ возстанавлять того, что упало. Мы только выразили сомнѣніе въ томъ: упало ли дѣйствительно то, что нашей критикѣ кажется упавшимъ. Мы хотѣли только указаніемъ на нѣсколько фактовъ — возбудить вопросъ о пересмотрѣ пути, пройденнаго нами въ нашихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ литературамъ, и вмѣстѣ,

не станемъ скрывать этого, хотѣли заявить протестъ нашъ противъ тѣхъ *кавалерскихъ* выходокъ, которыя и доселѣ еще у насъ возможны подъ вліяніемъ различныхъ маній...